

УДК 340.11
ББК 67.01

О ТРАДИЦИОННОМ (РЕЛИГИОЗНОМ) ПОДХОДЕ К ТРАКТОВКЕ СУЩНОСТИ И ЦЕННОСТИ ПРАВА

Р. В. Насыров

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

Рассмотрен вопрос о традиционном (религиозном) подходе к пониманию сущности и ценности закона (формального права). Подчеркнута необходимость углубленного и неспешного изучения богословских и философских текстов, раскрывающих назначение закона в общественной жизни. Обосновано, что с религиозной точки зрения следование «духу права» не означает отрицание «буквы закона»; должна действовать общая установка — если притязания нравственны и справедливы, но реализовывать их необходимо, не нарушая требуемой законом юридической формы.

Ключевые слова: духовно-нравственные ценности, закон, абсолютная ценность, условная ценность, «дух права», «буква закона»

ON THE TRADITIONAL (RELIGIOUS) APPROACH TO THE INTERPRETATION OF THE ESSENCE AND VALUE OF LAW

R. V. Nasyrov

Altai State University (Barnaul, Russia)

The question of traditional (religious) approach to understanding the essence and value of law (formal law) is considered. The necessity of in-depth and unhurried study of theological and philosophical texts that reveal the purpose of the state and the law in public life is emphasized. It is grounded that following the “spirit of law” does not mean denying the “letter of the law”; there should be a general attitude — if the claims are moral and just, but it is necessary to realize them without violating the legal form required by the law.

Keywords: spiritual and moral values, law, “spirit of law”, “letter of law”, absolute value, conditional value

Doi: [https://doi.org/10.14258/ralj\(2025\)2.3](https://doi.org/10.14258/ralj(2025)2.3)

В названии статьи намеренно использовано слово *подход*, которое, несмотря на свой общепотребительный характер, в контексте методологии философского и научного познания является эвристически ценным и емким по смыслу. Эта лексема не является калькой, но переключается с древнегреческим словом *μέθοδος* — «путь». Обратим внимание на то, что по сравнению с первичным смыслом слова *μέθοδος* современное значение терминов *метод* и *методология*, по сути, является статичным. Возникает образ современного ученого, который, не сходя с места, использует то одни, то другие инструменты (методы, парадигмы, приемы и т.д.) исследования предмета своей науки; к господствующей в прошлом концепции можно, говоря образно, просто повернуться спиной. Уместен вопрос: если ученый-юрист решил следовать инновационной или забытой парадигме исследования права, то осуществил (пережил) ли он эту стадию *подхода* к соответствующей концепции права?

В целом постсоветский период развития юридической науки в России стоит оценивать критически. В. В. Лазарев констатировал: «К сожалению, в 90-е гг. прошлого века юридическая наука показала себя столь политизированной, так сильно зависимой от политической публицистики, что стала утрачивать качества науки» [1, с. 184–185]. Проявился «эффект маятника», когда значительная часть научного сообщества оперативно и слишком однозначно отвергла прежнюю теорию права и стала поспешно компоновать тексты в духе новых идеологических установок. Такой стиль «научного твор-

чества» точно охарактеризовал еще в XIX в. историк В. О. Ключевский: «В знание уверовали прежде, чем успели овладеть им» [2, с. 450]. С этой точки зрения вызывает уважение позиция, например, М. И. Байтина, который, не желая «плыть по течению», исходил из необходимости анализа и объективной оценки основных направлений современного правопонимания и обосновывал теоретическую и практическую ценность нормативной трактовки права [3, с. 4].

Но в целом в исследованиях, посвященных сущности права и различным типам правопонимания, преобладает негативно-предвзятое отношение к юридическому позитивизму и формализму. Эта теория стала как бы «мальчиком для битья», критикой которой ученый-юрист получает «индальгенцию», защищающую его от обвинений в узости и отсталости его доктринального правосознания. Характерно то, что после совершения этого своеобразного ритуала отмежевания от формализма и нормативизма ученый-юрист, как правило, воспроизводит и использует научные конструкции и понятия, разработанные именно в рамках юридического позитивизма. Так, в перечень новых парадигм исследования права вошла коммуникативная теория, которая стала претендовать на формирование интегрального типа правопонимания. Казалось бы, это предполагает новые, т. е. коммуникативные определения основных понятий общей теории права. Но Н. В. Варламова резонно замечает: «Большинство современных интегративных подходов к пониманию права на деле оказываются разновидностью вполне традиционных социолого-позитивистских представлений о праве, изложенных в терминах какой-либо постмодернистской философской парадигмы» [4, с. 72].

В данной статье речь пойдет о духовно-нравственном (религиозном) обосновании сущности и ценности российского права. Законодательную основу этого направления в теории права составляют ряд изменений 2020 г., внесенных в Конституцию РФ, и утвержденные Указом Президента РФ от 09.11.2022 № 8092 «Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных духовно-нравственных ценностей». Реализация этой парадигмы исследования права пока вызывает противоречивые впечатления и оценки. Возвышенно-пафосные суждения о сущности права могут быть одновременно поверхностными как с богословско-философской точки зрения, так и научной. Вновь обращаем внимание на семантическую емкость простого слова *подход*. В прошлом считалось, что для познания истины необходимо не просто ее «схватить» (зафиксировать и артикулировать) в своем сознании, а пройти *путь*, преодолевая который сознание ученого настраивается на аутентичное восприятие исследуемого им объекта. Когерентность (согласованность) положений той или иной концепции требует соответствия установок и состояния сознания ученого исследуемому явлению. Не только в художественном, но во всяком познании традиционное мировоззрение признавало, что истина не каждого подпустит к себе, а лишь неспешного, искреннего и бескорыстного исследователя, что выражено в строчках А. С. Пушкина: «Служенье муз не терпит суеты; / Прекрасное должно быть величаво». Действие принципа релевантности (соответствия) состояния и установок сознания ученого объекту исследования в социальных и гуманитарных науках М. М. Бахтин выразил так: «То, что мы в жизни, в познании и в поступке называем определенным предметом, обретает свою определенность, свой лик лишь в нашем отношении к нему: наше отношение определяет предмет и его структуру» [5, с. 10].

Сказанное означает, что следование традиционным истинам требует не просто пафоса и напряжения познавательной воли, а прежде всего неспешного и внимательного погружения в священные, богословские и философские тексты, которые наполнены констатацией и анализом фундаментальных противоречий и сложных вопросов соотношения абсолютных и относительных ценностей. Как известно, к научному знанию предъявляется требование системной и логической непротиворечивости. Поэтому носитель сциентистской методологии, решивший следовать положениям религиозных текстов, может воспринимать их в упрощенном виде на основе лишь формально-логических установок отождествления или противопоставления. Так, провозглашается тождество права и нравственности, а «духу права» противопоставляется «буква закона». Но исходным началом познания абсолютных (духовно-нравственных) ценностей является признание антиномичности и трагичности бытия человека и общества.

Первая библейская заповедь: «Я — Господь Бог твой, да не будет у тебя других богов, кроме Меня»; но третья заповедь: «Не произноси имени Господа Бога твоего напрасно (всуе)» (Исх. 19. 10–

25), т. е. признается существование, кроме сферы сакрального, также пространства «суеты», мирского. Заметим, что наука с ее требованиями объективности, системности, обобщенности и т. д. может адекватно и позитивно познавать именно эту эмпирическую (мирскую) сторону бытия. Не стоит односторонне воспринимать другой библейский тезис: «Не хлебом единым будет жив человек, но всяким словом Божиим» (Мф. 4:4). В современном варианте употребления этого афоризма опускается глагол «будет», но даже в таком усеченном виде это суждение содержит в себе два императива: человек должен стремиться жить «Словом Божиим», но одновременно заботиться о внешне-мирском, о «хлебе насущном».

Еще одно положение Священного писания, которое с логической точки зрения является противоречивым (антиномичным), но соответствующим реальному бытию человека и общества: с одной стороны — «Всякий рожденный от Бога, не грешит... Мы знаем, что мы от Бога»; но с другой стороны — «весь мир лежит во зле» (1 Ин. 18–19). В таком мире, по словам богослова Иринея, существует необходимость, чтобы «боясь человеческой власти, люди не поедали друг друга подобно рыбам, но посредством законодательства подавляли разнообразную неправду народов» [6]. Только что принявший христианство князь Владимир столкнулся с проблемой сочетания веры в возвышенные христианские принципы с обязанностью быть носителем государственной власти. Летопись излагает: «Владимир же жил в страхе Божьем. И умножились разбои, и сказали епископы Владимиру: „Вот умножились разбойники; почему не казнишь их?“ Он же ответил: „Боюсь греха“. Они же сказали ему: „Ты поставлен Богом для наказания злым, а добрым на милость. Следует тебе казнить разбойников, но расследовав“» [7, с. 194]. Священники не убеждали князя перестать «бояться греха», их совет не тождествен макиавеллевскому принципу «Цель оправдывает средства»; проблема рассматривается в принципиально ином мировоззренческом контексте. В требовании наказывать разбойников «расследовав» признается значимость формально-юридической стороны вопроса. Но в отличие от новоевропейского (секуляризованного) гуманизма религиозный антропоцентризм носил не нормативно-юридизированный, а драматически-напряженный характер.

Если определять назначение права с христианской точки зрения, то необходимо начинать с учения о соотношении двух Градов — Небесного и Земного. В Основах социальной концепции РПЦ записано: «Государство есть часть «мира сего», оно не имеет части в Царстве Божием, ибо там, где Христос «все и во всем» (Кол. 3:11), нет места принуждению, нет места противопоставлению человеческого и Божия, а, следовательно, нет там и государства» (III. 3); «Право — это особая сфера, отличная от смежной с ней этической сферы: оно не определяет внутренних состояний человеческого сердца, поскольку Сердцевидцем является лишь Бог» (IV. 2) [8].

Обратим внимание, что эти богословские суждения о назначении государства и формального права соответствуют положениям юридического позитивизма о том, что закон обеспечен государством и предметом правовой оценки выступают акты внешнего поведения. К. Маркс отмечает: «Помимо своих действий я совершенно не существую для закона, совершенно не являюсь его объектом... Законы, которые делают главным критерием не действия как таковые, а образ мыслей действующего лица, — это не что иное, как позитивные санкции беззакония» [9, с. 14]. Причины кризиса современного права необходимо искать не в этом имманентно присущем позитивному праву формализме, а в том, что утрачено традиционное представление об охранительно-условном назначении закона. Атрибуты богини правосудия Фемиды (повязка на глазах, меч, весы) означают, что закон (формальное право) — это «источник повышенной опасности», необходимый и вынужденный инструмент, по словам В. С. Соловьева, реагирования на явные проявления зла [10, с. 452]. Допустимо сказать, что в мировоззрении человека Нового времени произошел глубинный сбой, когда необходимые условия и средства достижения цели стали самой целью. Это заметил еще в XVII в. Б. Паскаль: «До чего же печально видеть, что люди только о средствах и рассуждают, а о цели вовсе не думают» [11, с. 51]. В русле этой тенденции формальный порядок был отождествлен с социальным миром, и произошла значительная этагизация и юридизация общественной жизни. Институт формального права приобрел размеры, говоря образно, болезненного флюса; лечение этой болезни не предполагает наполнение этого флюса новым содержанием на основе тождества права и нравственности, а возврат к традиционному представлению об охранительно-условном назначении закона. В XVII в. суждения Р. Декарта о за-

конах совпадают с приведенными выше высказываниями Ириней и В. С. Соловьева. Философ пишет: законы возникают «только по мере того, как бедствия от совершаемых преступлений и возникавшие жалобы принуждали их к этому»; «обилие законов нередко дает повод к оправданию пороков и государство лучше управляется, если законов немного, но они строго соблюдаются» [17, с. 257, 260].

Важно понять, что опасность юридизации общественной жизни содержится не в юридическом позитивизме как таковом, а в идеологеме о тождестве права и нравственности, независимо от того, выражен ли этот тезис в терминах секулярной или религиозной философии. Так, А. М. Величко критикуют либеральное понимание свободы как права делать то, что не запрещено законом, за лишь мирской характер такого определения и отсутствие в нем духовной составляющей [18, с. 15]. Но одновременно ученый выдвигает тезисы, которые могут стать идеологической основой для тотальной юридизации и, следовательно, этатизации общественной жизни: «Закон не только закрепляет какое-то положение вещей, признавая его правильным, неопасным, должным, но и предопределяет жизнь человеческого общества... Закон заставляет подстраивать под некоторую цель и поведение каждого отдельного человека и всего общества»; право «регулирует социальную, общественную свободу» [118, с. 9, 11]. Ученый, понимающий суть такой фундаментальной категории, как «свобода человека», не будет использовать словосочетание-оксюморон «регулировать свободу»; такие глаголы, как «предопределять», «заставлять», «регулировать», уместно использовать в отношении не самой свободы, а ведя речь о внешних условиях проявления свободы. Поэтому закон запрещает употреблять нецензурные слова только в общественных местах, а не в мышлении или в актах частной коммуникации. Истинную свободу (т. е. внутреннюю) человек проявит тогда, когда посчитает, что безнравственно регулярно (как общее правило) использовать такие слова в частных беседах и даже во внутренней речи.

В своей известной статье Б. А. Кистяковский разъясняет: «Право не может быть поставлено рядом с такими духовными ценностями, как научная истина, нравственное совершенство, личная святость. Значение его более относительно» [12, с. 109]. Реакция Л. Н. Толстого на морализацию права была справедливой, хотя слишком резкой и односторонней: «Этическое воспитательное значение „права“! Ведь это ужасно. Главная причина безнравственности людей нашего христианского мира — это этот ужасный обман, который называется „правом“, а они говорят о воспитательном значении права» [13, с. 194]. Возражая великому русскому писателю, заметим, что формальное право — это явление этическое, но не в том смысле, что право тождественно нравственности; назначение права — создавать необходимые внешние социальные условия, позволяющие ставить и решать вопросы о нравственном выборе. Мудрый старец сказал после примирения враждующих князей: «Ну, слава Богу! Хоть как-нибудь, да примирились. Худой мир лучше хорошей войны» [14, с. 49]. Скорее всего, отношения примиренных не наполнились любовью и смирением; высшие духовно-нравственные ценности еще не воплотились; но достигнута другая цель — реализовалась служебно-условная ценность права, возникла внешняя предпосылка для достижения истинного мира.

Религиозный философ С. А. Левицкий предостерегает: «Направленность личности на абсолютные ценности составляет главнейший ее признак... Эту направленность, разумеется, нельзя понимать психологически — как знание того, что есть истина или добро, и как непосредственное стремление к ним. Напротив, мы не знаем ни истины, ни добра... Мы постоянно заблуждаемся и сомневаемся в истине. Принимаем за добро то, что отнюдь не есть добро... Добро есть, прежде всего, должное, а не сущее, хотя оно должно быть воплощено в сущем» [15, с. 220]. Можно провозгласить, что социальный мир должен быть основан на началах Истины, Добра и Красоты, но что соответствует этим началам, всегда является предметом обсуждений, сомнений и конфликтов. Определенно и обобщенно можно высказываться о формально-внешних аспектах социального бытия. Традиционное мировоззрение признавало необходимость формального права, но в контексте всей общественной жизни придавало ему условно-инструментальную ценность, подобно тому, как в межличностном общении вспомогательную роль играют правила этикета. Примечательно то, что в правилах этикета их соответствие требованиям нравственности не игнорируется, но как бы отодвигается на второй план; эти правила реализуют иную функцию — не наполняют общественные отношения этическим содержанием, а создают внешние и формальные условия общения. Пустым морализаторством было бы требование, чтобы каждый во всех ситуациях исходил из субординационной подчиненности правил этикета

нравственности; не просто говорил «Здравствуйте» и «Спасибо», а проникновенно и с соответствующими внутренними переживаниями произносил фразы «Желаю вам здоровья!» и «Спаси вас Бог!». Точно так же и в предмете правового регулирования существует обширная сфера нормативно-формального регулирования. Режим законности и состояние правопорядка инструментальны по своему назначению, т. е. они не тождественны социальному миру, а создают необходимые внешние условия для его достижения и поддержания.

Очевидно, что познание Истины (с большой буквой) не может быть ограничено и регламентировано во времени, но в архаичном римском праве закреплялось: «Если на суде присутствуют обе стороны, то решение выносится до захода солнца» [16, с. 63]. Если судья сомневается в истинности своего решения, то он должен пойти на спорное решение, так как оставление конфликта открытым чревато еще более тяжкими последствиями; в этом, возможно спорном, решении судьи реализуется условная истина (с маленькой буквой) — «Худой мир лучше доброй войны». Если «мир лежит во зле», то приходится выбирать не только между очевидными добром и злом, но и между большим и меньшим злом. И в известном афоризме классического римского права «*Res iudicata pro veritate habetur*» («Решение судьи принимайте за истину») нет ограничения свободы мысли, а содержится призыв сохранять внешний порядок. Провозглашение общего права соглашаться или не соглашаться с решениями суда не приведет к утверждению справедливого мира, а к «доброй» войне.

Римские юристы утверждали: «*Ad impossibilia lex non cogit*» («Закон не требует невозможного») и не говорили: «*Fiat iustitia, et pereat mundus*» («Пусть свершится правосудие, если даже при этом погибнет мир»); предполагается, что этот афоризм впервые произнес в XVI в. дилетант в сфере юриспруденции император Фердинанд I). Можно предположить, что древнеримский судья, замечая, что солнце клонится к горизонту, выносит приговор вероятностный, но с установкой — «Пусть лучше десять виновных избегают наказания, чем осудить одного невиновного». Поверхностным является отношение к этому популярному афоризму как несомненному воплощению справедливости, так как принцип справедливости требует не только не осуждать невиновного, но и наказывать виновного. Одним из проявлений состояния «мир лежит во зле» (трагичности и разорванности бытия) выступает обреченность человека не просто на постоянные сомнения в том, что является нравственным и справедливым, но и на вероятностные решения и действия. В этом смысле утверждения С.А. Левицкого о том, что в сложных ситуациях мы не знаем до конца, что есть добро, а что — зло. Поэтому юристы признают и применяют такие юридические понятия и конструкции, как презумпции и фикции. Процессуальный принцип презумпции невиновности, во-первых, основан на допустимости вероятностного суждения, и, во-вторых, носит ярко выраженный формально-юридический характер. Судья может быть уверен в том, что подсудимый совершил противоправное деяние, но он выносит оправдательный приговор, так как адвокат доказал грубые нарушения процессуальных норм. Если считать этот приговор справедливым, то придется признать, что справедливость восторжествовала не вопреки, а благодаря юридическому формализму. Но является ли такой приговор справедливым безусловно и для всех? Сам судья, как юрист, будет считать свой приговор законным, но не назовет его справедливым. А растерянные и возмущенные потерпевшие отнесутся к этому оправдательному приговору как к злой усмешке над нравственностью и справедливостью.

Рассуждая о системе и иерархии ценностей, как минимум необходимо признать дуализм внешнего и внутреннего. Эти начала взаимосвязаны, но они не могут быть тождественными; действует богословская формула «нераздельное, но неслиянное». Законы должны соответствовать требованиям нравственности, но от этого они не становятся воплощением нравственности. Одним из условий признания поступка нравственным должно быть гармоничное сочетание акта внешнего поведения и соответствующего внутреннего (нравственного) переживания. В сфере формального права методом регулирования, как указывалось выше, выступают акты внешнего поведения; в юридической науке правомерными признаются акты конформистского и даже маргинального поведения. Поэтому проявлением «возвышенного пустозвонства» будет требование того, чтобы каждый акт правового поведения оценивался и с точки зрения внутренних побуждений и нравственности. Один гражданин осознанно и законопослушно заплатил налоги, а другой попытался уклониться от налогов, но, когда осознал, что это ему не удастся, он нехотя, проворчив: «Почему я должен давать свои день-

ги в бюджет на всяких нищих и инвалидов!», все-таки заплатил налоги. Для юриста эти два акта поведения являются одинаково правомерными.

Типичная ситуация: индивид несколько раз в день стоит на перекрестке и ждет зеленый свет светофора; было бы странно оценивать все акты поведения пешехода с точки зрения соответствия не только ПДД, но и принципам нравственности, справедливости и милосердия. Возможны ситуации, когда возникает необходимость перебежать дорогу на красный свет светофора с целью оказать помощь человеку, который потерял сознание или подвергся нападению грабителя. Но даже в таких чрезвычайных положениях не отрицается, а продолжает работать норма формального права, так как в ней закреплено понятие крайней необходимости. Справедливость реализуется благодаря и «букве закона»; если правоприменитель не учел обстоятельство крайней необходимости, то он показал плохое знание догмы формального права.

Завершим суждения о традиционном (религиозном) подходе к праву описанием поведения священника в конкретной юридической ситуации. В автобусе кондуктор ждет оплаты проезда, но пассажир забыл кошелек и просит разрешения проехать бесплатно, а кондуктор требует осуществить оплату или покинуть автобус. Два сердобольных пассажира начинают пафосно и любуюсь своим нравственным порывом упрекать кондуктора за бездушие и формализм; их поведение стоит оценивать отрицательно, т. к. они стремились быть нравственными за чужой счет. Возможно, что кондуктор, продолжая упрекать забывчивого пассажира, разрешает ему проехать, но при этом, следуя «букве закона», отрывает и передает ему билет. Если кондуктор разрешает пассажиру проехать без билета, а это обнаружил контролер, то кондуктор не будет отрицать того, что он совершил дисциплинарное правонарушение, и не будет убеждать: «Мой поступок основан на принципе милосердия и, следовательно, правомерный!» Ситуация разрешилась так: в автобусе был священник, который, следуя началу милосердия, молча подошел к кондуктору, купил билет и передал безденежному пассажиру. Своим поступком он показал, что следование «духу права» не означает отрицание «буквы закона»; общее правило — если притязания нравственны и справедливы, но реализуешь их, не нарушая юридической формы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Лазарев В. В. Юридическая наука: современное состояние, вызовы и перспективы (размышления теоретика) // LEX RUSSICA. Февраль 2013. № 2. Т. LXXV.
2. Ключевский В. О. Русская история. Полный курс лекций : в 3-х книгах. Кн. 2. М., 1993.
3. Байтин М. И. Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). Саратов : СГАП, 2001.
4. Варламова Н. В. Тип правопонимания как теоретическая парадигма интерпретации права // Правовые идеи и институты в историко-теоретическом дискурсе. М. : 2008.
5. Бахтин М. Эстетика словесного творчества. М. : Искусство, 1986.
6. Ириной Лионский. Обличение и опровержение лжеименного знания (Против ересей). Гл. 24. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Irinej_Lionskij/protiv-eresej/5_24 (дата обращения: 31.10.2024).
7. Летопись временных лет. СПб. : Наука, 1999. С. 194.
8. Основы социальной концепции Русской Православной церкви. URL: https://azbyka.ru/otechnik/dokumenty/osnovy-sotsialnoj-kontseptsii-russkoj-pravoslavnoj-tserkvi/#0_3 (дата обращения: 31.10.2024).
9. Маркс К. Заметки о новейшей прусской цензурной инструкции / К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. 2-е издание. Т. 1. М. : «Политиздат», 1955.
10. Соловьев В. С. Оправдание добра. Нравственная философия. Сочинения в 2 т. М., 1988. Т. 1.
11. Паскаль Б. Мысли. СПб. : Азбука-классика, 2005.
12. Кистяковский Б. А. В защиту права (Интеллигенция и правосознание) // Вехи. Интеллигенция в России. Сборники статей 1909–1910. М. : «Молодая гвардия», 1991.
13. Толстой Л. Н. Письмо студенту о праве. URL: http://az.lib.ru/t/tolstoj_lew_nikolaewich (дата обращения: 31.10.2024).
14. Преподобные Оптинские старцы Амвросий и Антоний. Наставления. М. : Изд. Сретенского монастыря, 2003.
15. Левицкий С. А. Свобода и ответственность. М. : Посев, 2003.

16. Хрестоматия по всеобщей истории государства и права. М. : «ТК Велби», 2002.
17. Декарт Р. Сочинения в 2 т. Т. 1. М. : Мысль, 1989.
18. Величко А. М. Нравственные и национальные основы права. СПб. : Изд-во Юридического института, 2002.

REFERENCES

1. Lazarev V. V. Legal Science: Current State, Challenges and Prospects (Reflections of a Theorist) / LEX RUSSICA. February 2013. № 2. Vol. LXXV.
2. Kluchevsky V. O. Russian History. Full course of lectures in 3 books. Book 2. M., 1993.
3. Baitin M. I. The Essence of Law (Modern normative legal understanding on the verge of two centuries). Saratov: SGAP, 2001.
4. Varlamova N. V. Type of legal understanding as a theoretical paradigm of law interpretation // Legal ideas and institutions in historical-theoretical discourse. M.: 2008.
5. Bakhtin M. Aesthetics of verbal creativity. M.: Art, 1986.
6. Irenaeus of Lyons. Denunciation and Refutation of False Knowledge (Against Heresies). Ch. 24. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Irinej_Lionskij/protiv-eresej/5_24 (access date: 31.10.2024).
7. Chronicle of the Temporal Years. SPb.: Nauka, 1999. P. 194.
8. Fundamentals of the Social Concept of the Russian Orthodox Church. URL: https://azbyka.ru/otechnik/dokumenty/osnovy-sotsialnoj-kontseptsii-russkoj-pravoslavnoj-tserkvi/#0_3 (access date: 31.10.2024).
9. Marx K. Notes on the newest Prussian censorship instruction // K. Marx, F. Engels Soch. 2nd edition. T. 1. Vol. 1. M.: Politizdat, 1955.
10. Solov'ev V. S. Justification of the Good. Moral Philosophy: Works in 2 volumes. M., 1988. T. 1.
11. Pascal B. Thoughts. SPb.: Azbuka-classika, 2005.
12. Kistiakovskiy B. A. In defence of the right (Intellectuals and legal consciousness) // Milestones. Intellectuals in Russia. Collections of articles 1909–1910. M.: “Molodaya Gvardiya”, 1991.
13. Tolstoy L. N. Letter to a student about law. URL: http://az.lib.ru/t/tolstoj_lew_nikolaewich (access date: 31.10.2024).
14. Venerable Optina elders Ambrosius and Anthony. Instructions. Moscow: Sretensky Monastery Publishing House, 2003.
15. Levitsky S. A. Freedom and Responsibility. M.: Posev, 2003.
16. Textbook on the General History of State and Law. M.: “TK Velby”, 2002.
17. Descartes R. Works in 2 vols: T. 1. M.: Mysl, 1989.
18. Velichko A. M. Moral and national foundations of law. SPb.: Izd-vo Yuridicheskij Institut, 2002.